

УДК 327:005.521

Осинкин С.А.

Фактор нестабильности в контексте политического планирования и прогнозирования

Осинкин Сергей Александрович, заведующий отделением социально-педагогической помощи для детей с ограниченными возможностями здоровья Областного государственного казенного учреждения социального обслуживания «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» (ОГКУСО «СРЦН»), соискатель кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: osinkin@bk.ru

В статье представлен авторский взгляд на проблему соотношения хаотического и устойчивого в политике и политических исследованиях, а также детерминизма, индетерминизма и возможностей политического прогнозирования в эпоху глобализации.

Ключевые слова: нестабильность, хаос, концепция устойчивого развития, «теория чёрного лебедя», индетерминизм, политическое планирование, политическое прогнозирование.

Наше время всё чаще характеризуется как «период нестабильности» (И. Пригожин), «общество риска» (У. Бек), «век бифуркаций» (Э. Ласло), «эпоха стратегической нестабильности» или «глобальной исторической бифуркации» (А.С. Панарин). Представляется, что причина столь заметного и резкого «перехода» от традиционной картины мира, которая благодаря успешно функционировавшему механизму «сдержек и противовесов» в мировой политике изображала относительно устойчивый политический ландшафт (достаточно глубокое пространственное и временное измерение), к эпохе «свернутых временных горизонтов» и «абстрактной» картине мира произошло в силу демонтажа биполярной системы. Именно эта система обеспечивала легитимность международных соглашений и договоров, положенных в основу сложившейся во второй половине XX века (поствоенной) модели коллективной безопасности. Судя по всему, многими политиками современная картина мира все чаще представляется как «черный квадрат» Малевича: никаких перспектив (ни временных, ни пространственных) эта «картинка» уже не отображает. Переход от эпохи «холодной войны», в рамках которой глобальное политическое планирование достигло уровня политического искусства, к эпохе, которую называют не вполне удачно и обоснованно эпохой однополярности, ознаменовался кризисом политической прогностики, а также упадком почти всех форм разработки и продвижения геополитических проектов на основе консенсуса основных игроков. Сам поиск консенсуса несовместим с «принципом однополярности». По сути, именно с этого исторического события (демонтаж биполярной системы на фоне распада советского блока и СССР) начинается период перманентной политической и экономической дестабилизации, непредсказуемости новых складывающихся структур.

Как многократно отмечалось в докладах на последнем Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь 2013), в современной политике доминируют так называемые *маловероятные события*, несущие в себе значительный и зачастую разрушительный потенциал. При этом часто ссылались на теорию «Чёрного лебедя», которая объясняет существование и возможность возникновения трудно прогнозируемых и редких событий, которые имеют значительные последствия. Автором теории, столь востребованной политическим сообществом, является Н.Н. Талеб, который ввёл термин «события чёрного лебедя». Суть теории в том, что одно единственное наблюдение может разрушить любое обобщение (до открытия Австралии люди в Старом свете считали, что все лебеди – белые, что подтверждалось эмпирическими данными). По мнению Н.Н. Талеба, с ходом истории, от неолита до наших дней, частота таких событий растёт, и жизнь становится всё более непредсказуемой. Эта позиция близка традиции скептических философов, которые считали, что мы знаем гораздо меньше, чем склонны думать, и что прошлое нельзя использовать для предсказания будущего.

События 11 сентября 2001 г. в США при любой их интерпретации (в т.ч. на основе «теории черного лебедя»), также как и череда аналогичных событий, ставших поводом для кардинальной перестройки институтов наднациональной власти, связаны не только с диспропорциями мирового развития. Не менее значимые факторы – качественные изменения «политического веса» и соотношения традиционных субъектов политики и, прежде всего, национальных государств и государственных союзов, а также ролевых функций новых игроков, в числе которых особое место занимают неправительственные и международные организации разной направленности. Все это порождает новую волну конфликта интересов в мировой политике, а, следовательно, и «конфликта планов-прогнозов», что лишь увеличивает непредсказуемость, присущую международным отношениям в целом, и снижает эффективность глобального прогнозирования и политического планирования.

XX в. принёс с собой признание того факта, что мир превратился во «всемирную деревню» (М. Мак-Луан),

а феномен глобализации полностью изменил наше понимание политики и природы взаимодействия стран. Хотя национальные государства всё ещё остаются главными действующими лицами на мировой арене (с поправкой на возрастающее влияние надгосударственных органов, транснациональных групп и организаций), соотношение сил меняется по мере «мозаизации» политических отношений. Особый интерес в этой связи представляет позиция И. Пригожина, который делает предметом специального анализа переход от детерминизма к нестабильности, обосновывая простой вывод: если природе свойственна нестабильность как существенный элемент, то и понятие нестабильности следует освободить от негативного оттенка. Сама простота такого вывода граничит, разумеется, с чрезвычайно жесткой методологической установкой.

Применительно к анализу современной политики столь заостренная постановка проблемы кажется вполне приемлемой: так, А.С. Панарин прямо определял политику в XX в. как «*производство непредсказуемого будущего*»¹. Подобная оценка не отменяет необходимости политического прогнозирования и планирования, а лишь свидетельствует о потребности переосмыслить ряд ключевых принципов, на которых основывается традиционное представление о характере этой специализированной деятельности. Верно не только то, что уникальные инновационные сдвиги в науке, технике и экономике изменяют нашу жизнь быстрее и кардинальнее, чем раньше, но и другое: усиление фактора неопределённости и даже непредсказуемости диктует необходимость в поиске все более эффективных механизмов опережающего политического действия. А это само по себе открывает новые возможности активного влияния на политические процессы. Именно в этой связи исследователи все чаще переходят от элементарных процедур по определению степени рисков и поиска способов их минимизации к методологии управления рисками, без которой оценка политической практики и, в частности, практики политического планирования и прогнозирования становится или невозможной в принципе, или крайне затруднительной.

По справедливому замечанию А.С. Панарина, «политика – не “надстройка”, а вид человеческой практики, посредством которой люди воздействуют на социальную среду, свою судьбу и меняют свой статус в обществе»². Если в узком «европоцентричном» понимании политика ещё воспринимается как «соревнование различных групповых интересов и соперничество за власть»³, то в настоящее время ее можно охарактеризовать как разновидность «венчурной-рисковой деятельности, открывающей новые возможности человека в мире – субъекта, перешагивающего свою судьбу посредством нахождения новых альтернатив»⁴. Именно поэтому такие используемые синергетикой понятия, как нелинейность, нестабильность, неопределённость, сложность, вероятностный характер событий, их принципиальная непредсказуемость в точках бифуркации «открывают свободу, несовместимую с “познанной необходимостью” лапласовского типа»⁵.

Кроме причинно-следственных связей детерминация политических процессов осуществляется в форме случайных связей, прямых и косвенных, среди которых выделяются связи функционирования и развития. При этом идеи индетерминизма, зародившиеся в 20-е гг. XX в., не отрицают наличие различных взаимосвязей в природе и обществе. Особый интерес представляют работы в области так называемого «исследования хаоса»⁶.

Сам же рост хаотических проявлений в жизни, с одной стороны, усложняет политическое прогнозирование и планирование, но, с другой стороны, стимулирует потребность более решительного перехода к новым методам. Разумеется, эта цель достижима, если политическое планирование и прогнозирование рассматривается как важнейшая предпосылка устойчивого развития и, соответственно, как «научное дело по определению целей и задач внутренней и внешней политики, построению средне- и долгосрочных, а также долгосрочных стратегий с предварительной разработкой механизма их построения и осуществления, определения четкого правового статуса соответствующих документов, в частности, политических доктрин – «лоций», без которых невозможно проложить собственный курс»⁷. К сожалению, в России политическое планирование, как подметил В.Н. Расторгуев, понимается многими представителями власти и оппозиции, политтехнологами и даже политологами односторонне: «В широком смысле его воспринимают как законную привилегию правящего класса распоряжаться по своему усмотрению природной и интеллектуальной рентами, приспособлять и перестраивать «социальное пространство» под свои интересы, а также как право делать выбор за граждан, но от их имени. В узком смысле политическое планирование рассматривается как набор технологий и навыков, обеспечивающих управление территориями (правление), преемственность и воспроизводство власти (выборные кампании и кадровая политика), а также – в самом узком и прикладном смысле слова – как «поступенчатое» (для каждой властной «ступеньки») составление календарей и графиков перемещения «звёздных политических тел» со свитами. Если называть вещи своими именами, то политическое планирование, устроенное таким образом, – это попытка ускорить поступательное движение, поставив телегу впереди лошади»⁸.

Что же касается концепции устойчивого развития, то её по праву можно считать скорее политической стратегией, чем собственно научной теорией⁹. По этой причине она только на первый взгляд воспринимается как по-

¹ Панарин А.С. Политология. Изд. 2, перераб. и доп. М., 2001. С. 390.

² Панарин А.С. Погоня за ускользающей реальностью (О постклассических методах политологии) // Вестник РАН. 1997. № 1. С. 12.

³ Там же. С. 26.

⁴ Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С. 159.

⁵ Там же.

⁶ Jantsch E. Die Selbstorganisation des Universums. Vom Urknall zum menschlichen Geist. München, 1982; Bricqs J., Peat F. Die Entdeckung des Chaos. München, 1993; Shelldrake R., McKenna T., Abraham R. Denken am Rand des Chaos, Physik und Metaphysik, Ego und Weltseele. Bern, 1992.

⁷ Расторгуев В.Н. Политическое планирование и прогнозирование: идеологические рамки и цивилизационный контекст // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 3.

⁸ Расторгуев В.Н. Философия и методология политического планирования. Избранные лекции и доклады. Тверь: Седьмая буква, 2009. С. 15.

⁹ Обоснование этой позиции см.: Катасонов А.В. Политическая концепция устойчивого развития: сопоставительный анализ современных версий: Дисс. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2008; Рябкова С.А. Теоретико-политологическое обоснование стратегии устойчивого развития в контексте глобализации: Дисс. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2011.

пытка уйти от признания нестабильности как тенденции, доминирующей в контексте глобализации. В действительности именно в рамках этой концепции закладывается механизм коллективного управления рисками в режиме нестабильности, хотя надо признать, что само название концепции в ряде языков (когда упор делается на представлении об «устойчивости», трактуемой к тому же однозначно – как антоним нестабильности) вводит в заблуждение и порождает споры. Четкое понимание различий между политической доктриной или концепцией и политологической теорией снимает множество искусственных барьеров, мешающих использованию в политической теории и практике методов нелинейной динамики, учитывающих синергетические эффекты.

Обновлению научных парадигм политической теории будет способствовать наряду с политической концепцией устойчивого развития, которая, как известно, в значительной степени основывается на междисциплинарном синтезе естественных и социально-политических наук (только такой синтез обеспечивает научно-аналитическое обоснование политической доктрины), но и на постоянном расширении круга новых научных дисциплин. Некоторые из них одновременно «работают» как на поле естествознания, так в социально-политическом знании. Примером может служить, как подметил В.О. Недельский¹, новое направление – диатропика, сделавшая своим основным предметом феномен разнообразия. Диатропика, по мнению Недельского, претендует на синтез таких феноменов, раскрывающих природу эволюции, как прогресс, приспособление и разнообразие, и предлагает новую логику прогноза, выявляя наиболее опасные варианты развития событий. Такой методологический подход можно с полным основанием перенести на политическое знание, как и ряд других теорий, например, концепцию волнообразно-циклического развития циклов мировой конъюнктуры Н.Д. Кондратьева. При этом следует учитывать тот факт, что существует некое «локальное» время, в котором живут «локальные» пространства, а основой такого «локального» пространства-времени служит национальная матрица. Одним из первых, по оценке Недельского, эту теорию предложил Е.Н. Мошелков².

Подводя итог, можно сказать, что в политике и политологии проблема нестабильности, неоднозначно, но непосредственно связанная с качеством и эффективностью политического прогнозирования и планирования, приобретает особую актуальность, т.к. существенно возрастает цена ошибочного прогноза и, соответственно, ошибочного решения – будь то решение текущих проблем или принятие долгосрочной стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катасонов А.В. Политическая концепция устойчивого развития: сопоставительный анализ современных версий: Дисс. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2008.
Katonov A.V. (2008). Politicheskaya kontseptsiya ustoichivogo razvitiya: сопоставительный анализ современных версий: Diss. ... kand. polit. nauk. Mosk. gos. un-t im. M.V.Lomonosova, Moskva.
2. Мошелков Е.Н. Переходные политические процессы (философско-политологический анализ российского опыта): Дисс. ... д. полит. наук. М.: МГУ, 1997.
Moshchelkov E.N. (1997). Perekhodnye politicheskie protsessy (filosofsko-politologicheskii analiz rossiiskogo opyta): Diss. ... d. polit. nauk. MGU, Moskva.
3. Недельский В.О. Анализ политического развития современной России: Дисс. ... д. полит. наук. М.: МГУ, 2000.
Nedel'skii V.O. (2000). Analiz politicheskogo razvitiya sovremennoi Rossii: Diss. ... d. polit. nauk. MGU, Moskva.
4. Панарин А.С. Погоня за ускользящей реальностью (О постклассических методах политологии) // Вестник РАН. 1997. № 1.
Panarin A.S. (1997). Pogonya za uskol'zayushchei real'nost'yu (O postklassicheskikh metodakh politologii). Vestnik RAN. N 1.
5. Панарин А.С. Политология. Изд. 2, перераб. и доп. М., 2001.
Panarin A.S. (2001). Politologiya. Izd. 2, pererab. i dop. Moskva.
6. Панарин А.С. Философия политики. М., 1994.
Panarin A.S. (1994). Filosofiya politiki. Moskva.
7. Расторгуев В.Н. Политическое планирование и прогнозирование: идеологические рамки и цивилизационный контекст // Вопросы философии. 2012. № 2.
Rastorguev V.N. (2012). Politicheskoe planirovanie i prognozirovanie: ideologicheskie ramki i tsivilizatsionnyi kontekst. Voprosy filosofii. N 2.
8. Расторгуев В.Н. Философия и методология политического планирования. Избранные лекции и доклады. Тверь: Седьмая буква, 2009.
Rastorguev V.N. (2009). Filosofiya i metodologiya politicheskogo planirovaniya. Izbrannye leksii i doklady. Sed'maya bukva, Tver'.
9. Рябкова С.А. Теоретико-политологическое обоснование стратегии устойчивого развития в контексте глобализации: Дисс. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2011.
Ryabkova S.A. (2011). Teoretiko-politologicheskoe obosnovanie strategii ustoichivogo razvitiya v kontekste globalizatsii: Diss. ... kand. polit. nauk. MGU, Moskva.
10. Bricqs J., Peat F. Die Entdeckung des Chaos. München, 1993.
11. Jantsch E. Die Selbstorganisation des Universums. Vom Urknall zum menschlichen Geist. München, 1982.
12. Sheldrake R., McKenna T., Abraham R. Denken am Rand des Chaos, Physik und Metaphysik, Ego und Weltseele. Bern, 1992.

¹ Недельский В.О. Анализ политического развития современной России: Дисс. ... д. полит. наук. М.: МГУ, 2000.

² Мошелков Е.Н. Переходные политические процессы (философско-политологический анализ российского опыта): Дисс. ... д. полит. наук. М.: МГУ, 1997.